ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 2 коп.

XVIII
5838
05
75

ОДЕССКАЯ ГОРОДСКАЯ
8-ФЕВ.1927
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ежемесячное бесплатное приложение к „Коммунару".

ОРГАН ТУЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

№ 2. | Декабрь 1926 год | № 2.

10089

СТИХИ О ТРАМВАЕ

(Из поэмы)

I.

Каждый день на рельсовых линиях
я встречаю трамвай знакомый:
мчится он через сумрак синий,
когда я выхожу из дома.

Остановки такие короткие.
Не успеет трамвай отдохнуть
и опять, послушно и кротко,
продолжает свой скучный путь...

Этот путь им давно избеган,
тяжело быть на привязи рельс.
Хорошо бы... такое сделать
и хоть раз с этих рельс слезть...

Мне бы вырваться только отсюда—
надоело бульварное „А"—
я уйду и шататься буду
по иным и чужим путям...

Вижу я, как трамвай сползает,
спотыкаясь, с рельсовых пут
и, в асфальты колеса врезая,
разбивает стеклянную грудь.

Вот трамвай на чужом пути.
Но навстречу горят глаза.
Ему некуда больше итти,
уж нельзя убежать назад.

Ну еще... Секунда... Мгновенье...
Задыхаясь, лепечет звонок...
. . . . . .
Я очнулся... Не знаю, где я.
На листе вереницы строк...

II.

Тихо утро вползало в комнату,
за окном умирали фонари.
Я сидел с головою согнутой
и смотрел, дожидаясь зари...

Тихо, тихо... Но что это: болен?
Знаю каждый из нас такой же.
Разве можно мне быть довольным,
когда все на трамвай... похожи...

Как и он мы по рельсам ходим...
и срываемся с них порой.
А на что трамвай такой годен,
что в асфальтах увяз головой?

Нет. Без рельс не трамваю бегать,
как и нам не итти без них.
Пусть заносятся рельсы снегом!
впереди нам горят огни...

Сквозь туманы—прямо и верно!
Не мечтать о чужих путях.
Нам сегодня простоты мерить
и вымеривать каждый шаг.

Надоело. Путь этот труден:
всту пыла минувших дней.
Потому что в рабочих буднях
нашу жизнь построить трудней.

Были дни: в опьяненье пожара,
разрушая, мы строили жизнь,
а сейчас, когда будня сжали,
когда рельсовый путь лежит,

мы частенько сползаем с рельс,
погибая в об'ятиях голода.
А ведь мы не успели расцвесть,
а ведь мы еще так молоды...

Иногда бывает и хуже,
когда рельсы сломает жизнь:
ты пойдешь, никому ненужный,
по путям этой жизни кружить...

Побежишь, как трамвай шальной,
у которого тормаз не орган
Побегут фонари стороной,
пропадая во мраке ночи...

Так и дни убегают за днями,
друг за другом, как фонари.
Но все-же огнями трамваев
наш рельсовый путь горит!..

Владимир Немцов.

Из повести Вас. Старцева.

... Позади остался бор,—весь озаренный лучами заходящего солнца. Столетние стволы сосен бежали по взгорью и, в огне кровавого заката, горели огромными языками пламени. И казалось—пылал бор, охватывая землю разраставшимся пожаром...

Удалялся бор вместе с уходящим днем,—первым днем Пашкина плена...

Белый город, лежавший среди простора открывавшейся взору степи, казался, поднимался на тысячах ног за курганом. С кургана он был виден во всю ширь и рост, играя пестротой степ и домов и чешуею крыш.

— Ишь, дьявол,—подумал Пашка.—Сколь добирался я до тебя, взвозжать хотел. Не давался,—зубаст. А теперь ты меня в капкан заловил...

Тысячеголовый город заблистал холодным взглядом—отражением на окнах предвечернего солнца, повисшего на гребне бора.

Слабо брезжили красные лучи, золотя степь. И казалось—истекало кровью солнце. День угасал. Город тонул в вечернем сумраке...

Когда достигли города, густая тьма плотно осела на его улицах и площадях...

Знакомый тюремный корпус, обнесенный высоким частоколом, казался огромным белым провалом во тьме.

За белой стеной Пашку сунули в душную темную камеру.

Войдя во внутрь камеры, Пашка наткнулся на лежавших на полу людей, раздвигавшихся и уступающим вошедшему проход.

— Товарищ, сюда иди, сюда!—зазвенел в темноте женский голос, вдруг показавшийся знакомым Пашке.—Здесь вот у стены местечко есть.

Опираясь на плечо женщины и следуя за нею в темноте, Пашка вдруг остановился. Голос проводницы до того походил на голос его попутчицы в ссылку, что Пашка уже не сомневался, что это и есть она — Софья Марковна.

— Ну, что же стал, идем,— услышал он дышащий ему в лицо тот же чистый, точно звон серебра, голос.—Ничего, видно, не поделаешь—бросила она, утешая «новичка».

— Вот встреча,—чуть не выкрикнул Пашка. Промычал что то удивленный и пошел за проводницей.

— Откуда, товарищ?—бросил кто то металлическим голосом,—точно отточенный, вопрос из тишины.

— Из лесов. Под городом изловили,—зажурчал в ответ Пашка.

— Близко красные то? Не слышал?—тянул из дальнего угла другой голос,—тихий, старческий.

— Что нам то от этого?—хрипловато заговорил лежащий близко к Пашке, беспокойно ворочавшийся человек.—Когда придут, нас уже не будет...

— Что поделаешь,—тихо ответил ему сосед, сидящий у стены.

В углу кто то, шмыркая носом воздух, порывисто всхлипывал.

— Перестань ты, парень,—уговаривал плачущего резкий голос.—Двух смертей не бывать, одной не миновать, видно... Э-эх, молодежь!

Парень громко вздохнул несколько раз и умолк.

Это ты, друг?..

— Из города бегут,—поспешил ответить Пашка.—Недалеко должно..

Женщина совсем близко прильнула к Пашке и горячо зашептала:

— Это ты, друг... Медведь ты мой?

— Я... И ты меня узнала?.. Вот где встретиться пришлось... Как ты то попала?

— Я и не выходила из тюрьмы. Вскоре после восстания чехов арестовали. Больше года сижу... Сегодня к смертникам перевели... Ночью видно расстреляют... вместе...

Она помолчала. Потом встрепенулась вдруг и заговорила громче:

— А ты как?.. Я слышала, что ты к Амуру подступал с отрядом.

В камере все привстали, узнав из разговора, что к ним глава партизанского отряда попал.

Оживилась камера. Арестованные коротко перекидывались словами:

— Кто это?

— Пашка... Партизан..

— Эх!—крепко тряхнул Пашка руки собеседницы.—Попал, как кур во щи! Хотели дорогу белым пересечь, да предал один наш: поп расстрига...

— Эй, вы, смирно там!—закричал часовой из корридора.—Нельзя разговаривать. Сидеть должны.

Софья Марковна вскинула головой и тихо заговорила отрывками слов:

— Вот нас ночью уже не будет... А может завтра в городе и в селах кругом начнется другая жизнь. Рабочие и мужики примутся устраивать ее. Хоть и грубо и дико может быть но видно без этого нельзя...

Софья Марковна замолчала. Пашке показалось, что она запуталась в своих словах. Он ее попрежнему не понимал,—не понимал «ее правды». Но чувствовал, что правда ее пути—выхода ищет,но не видит его, как не видно двери в этой камере. А дверь то есть, но путь из нее уже определен... Какой тут выход?.. А может она раньше нашла свой выход... Что значат ее слова: «рабочие и мужики будут жизнь устраивать. Видно без этого нельзя».

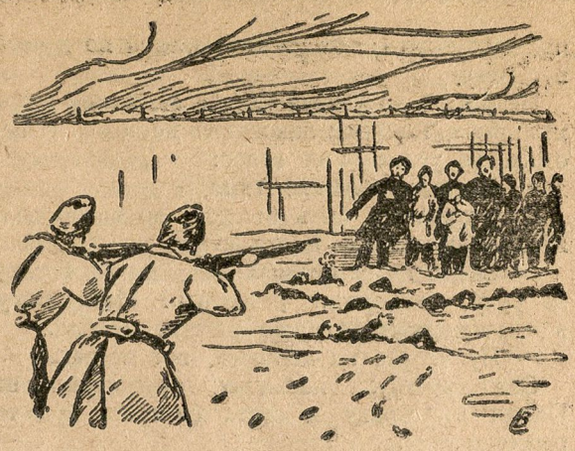
* * *

Софью Марковну Пашка встретил еще на Урале, когда к его группе новую партию арестантов присоединили.

Маленькая, бойкая, она говорила быстро, протягивала всем тонкие пальцы, старалась потрясти руку при рукопожатии и смеялась своими серыми глазами.

Коренастый Пашка сразу обратил тогда ее внимание на себя.

Крепкая фигура его, точно вылитая из бронзы, резко выделялась среди попутчиков Софьи

И стемь! становись!—раздался спотыкающийся голос человека в сером караульном полушубке.

Марковны,—тонких серолицых, очкастых людей. Только один, угрястый Архип, часто громко спорящий с попутчиками, не походил на других.

При первом же разговоре Софья Марковна назвала Пашку медведем, рассмеялась над этим и так оставила за ним это имя.

Она, на протяжении всего пути в ссылку, как-то льнула к веселому Пашке.

Этот мужик—выходец казался ей чрезвычайно загадочным человеком.

— Как вы, лесной житель, попали сюда?

— Так, дуром попал, — неохотно отвечал Пашка,—погорячился: село против господ поднял и затягался.

В свою очередь Пашка узнал от попутчицы, что она «из господской семьи». Работала в партии. (Умолчала лишь, что в партию ее втянул один студент, которым она увлекалась и который вдруг, без об ясненний, куда-то скрылся).

Софья Марковна как будто что-то хотела поведать Пашке, горячо говорила ему:

— Тонет Россия в невежестве. Правят ею прямо-таки опричники. Как-будто иго татарское продолжает владычествовать у нас. А время придет: мы, интеллигенция,—будем руководить обществом... И невежественную страну превратим...

Пашка не слушал собеседницу. Он смотрел в ее разгоряченное лицо, бойко бегающие глаза и думал:

«Куда-ж идут такие люди? Что надо им?

Но день ото дня он привыкал к Софье Марковне. Его тянуло к ней,—не слушать ее речи, которые видно стали надоедать и Софье Марковне, а так, чувствовать ее около себя, смотреть в бойкие веселые глаза. С ней он как-то не мог говорить, вернее не знал о чем говорить с такими людьми. Больше всего отвечал на вопросы и смотрел улыбаясь на маленький рот попутчицы, щебечущий что-нибудь из ее

прошлой жизни, или из впечатлений по дороге в ссылку.

Пашка как-то увидел Софью Марковну задумавшуюся. Такой он никогда ее не видел. И неожиданно услышал ее голос:

— Медведь, поди-ка сюда.

Она старалась быть веселой, но видно волновалась и глаза ее смотрели как-то грустно.

— Слышал,—заговорила она, держа Пашку за руку,—нас хотят разбивать? Повидимому в ссылку разошлют,—по разным местам...

— Ну что-же ты молчишь, вот медведь!

Она хрустнула пальцами, отвернулась от Пашки в сторону и стала смотреть куда-то рассеяно.

— Что-ж, придется расстаться...— спокойно ответил Пашка.

— Да...— рассеяно сказала Софья Марковна, качнув слегка несколько раз головой. И нельзя было понять: соглашается она с Пашкиными словами, что придется расстаться, или нет.

Затем вдруг повернулась, обвила цепкими руками Пашкину шею:

— Милый, пойдем вместе в ссылку, вдвоем... Нам разрешат...

Пойти в ссылку вместе им не разрешили и отправили в неизвестные друг для друга места.

* * *

Молчаливая ночь шла тяжело и медленно. Уставшие думать люди неподвижно смотрели в темь и как бы прислушивались к чьим то шагам. И эти кажущиеся шаги—были шагами времени, которое отбивало человеческое сердце. Уставшие мозги на некоторое время заволакивал сон.

И шаги приближались; громыхали о камни тысячью ног. Перед глазами останавливались серые люди с деревянными, похожими друг на друга, лицами; точно это был один человек и раздробился в зрении, когда глаза заливает поток слез. У этого раздробленного на сотню двойников человека было идиотски-безразличное, с тупым выражением, лицо: не человек, а стоголовый автомат. Серые люди приближались, целясь в голову заключенного. Он мечется во сне и кричит что то не членораздельное, рвущееся из нутра.

— Эй, малый, да перестань ты!

— А?—отзывается проснувшийся.—Я ничего... Сон это..

— Сон?... Это ничего...—поворачиваясь к нему, говорит сосед.—Сон хорошо... Я тоже видел сон... А будто не спал. Молодым был... Работал в кузне. Знаешь... искры... Весело... Потом по наковальне: бах! бах! А это ты стучал сапогами около меня... Причудилось...

И снова бесшумно двигалась тишина и человеческое сердце отбивало часы времени. Неотвязные глухие шаги в ритм ударам сердца снова и снова приближались в тишине... Вдруг громко и четко, точно падали камни на цементный пол,—раздались действительные шаги по корридору. С протяжным скрипом открылась дверь.

— Встать! Всем!...—Послышался в дверь спотыкающийся голос.

Поднялся шорох. Все встали.

— Ну вот и... жизни конец...— сказал тот самый старик, который справлялся у Пашки о красных.

Он взял соседа парня за руки и поцеловал в холодные губы.

— Не робей!.. По своей воле пошли.

Пашка молча поцеловал Софью Марковну. Она тихо сказала:

— Вот и... все...

Из камеры выходили по одному, тихо. Человек в сером, при свете фонаря, отсчитывал выходивших, и по лицу его было видно, что он имеет дело с кем (или с чем) угодно, только не с людьми. Делал он это дело с той неприятностью, когда, например, куда нибудь спешащий человек убирает надоевший ему мусор.

Смертники проходили в средине молчаливых солдат. У солдат были сонные безразличные лица. Кажется они ни о чем не могли думать в этот время, кроме недовольства тем, что их потревожили в ночное время.

Через забор тюрьмы пробивался рассвет. Слабыми искорками дотлевали звезды и румянился край неба.

До слуха Пашки донесся отдаленный глухой стук, точно в бору рубили деревья. Он обменялся взглядом с Софьей Марковной. Она тихо улыбнулась ему.

Далекие орудийные выстрелы оживили побледнившие лица смертников.

Юноша остановился, точно его дернули сзади и, дрожащим, неестественным голосом закричал:

— Товарищи! Красные!.. Да здравствует!

Он упал с разбитой прикладом головой и остался лежащим позади.

У задней белой стены корпуса лежали наполовину занесенные снегом трупы людей. Пашка на миг остановился: на верху кучи тел лежал мертвый Аким. Он слегка был запорошен снегом и напомнил Пашке старые дни, когда Аким, в обеденный отдых на общественной мельнице, лежал на самом солнечном припеке весь обеленный мукой.

Теперь он также лежит вверх бородой и кажется смеется своими узкими глазами...

— К стене!.. Становись!...— раздался спотыкающийся голос человека в сером каракулевом воротнике .

Пашка стоял крайним. Он не отрывал взгляда от лежавшего рядом мертвого Акима. Старик как будто остановил на Пашке свой неподвижный взгляд. Рука у него закостенела приподнятой, точно Аким по привычке тянется к своей мочалистой бороде и тихо говорит:

— Так... Так..

Пашка слегка отдернул свою руку пожимаемую маленькой ручкой Софьи Марковны... Далекие орудийные выстрелы тупо стучали по заре, и этот стук кажется несся из земли, точно кто то нервно ее утрамбовывал, выравнивал поверхность.

Напротив сквозь забор сочилась алая заря. Она была похожа на свежую вспененную кровь... А к небу, все выше и выше, подни мался рассвет, окидывая мир голубыми глазами рдеющего утра...

В. Старцев.

ЗИМНИЙ ПУТЬ

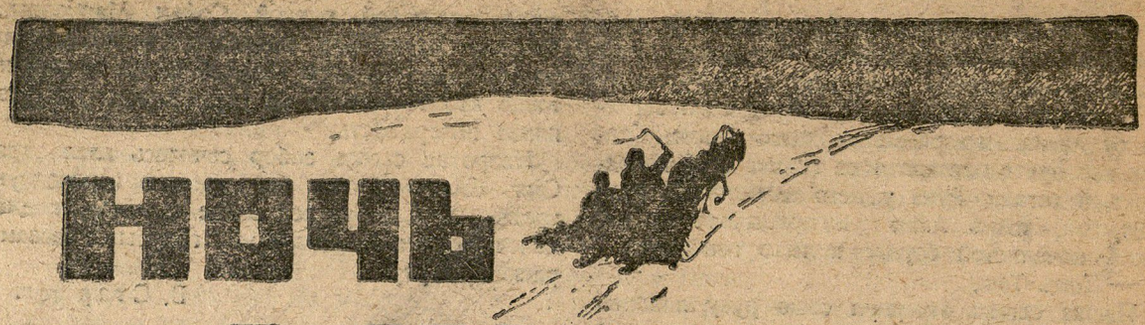
Задрожали в оранжевых далях
Предзакатного солнца огни.
Засинели снега, замигали
Посиневшие тени вдали.
Голубеет холодное небо,
Рассыпая созвездий горох,
Показала лу а из-за снега
Золотистый сверкающий рог,
Пылью горскою ветер играет,
Дымом гонит в овраги снега.
Горы хрусткие нагромождает
И курчавит кусты, б рега...
На санишках скрипучих поездка
Дышет свежей в лицо густотой,
Затерялись вдали перелески
Посиневшею длинной грядой.
За деревни, доли ы уплыли,
Как мечта, затерялись во тьме,
Мои милые, светлые, бы и
Вы в дороге так дороги мне.
Понапудрил морозец лошадку,
Забирается холод в тулуп.
— Но! Пошел помаленьку, Буланка:
Недалек остается наш путь.
Там за дальним пригорком синеют
Перекатные дали-поля
А за лунным сияньем белеет
Городская электро-заря.

М. КОЛЬЧУГИН.

ДЕРЕВЕНСКОЕ

Всю ночь телеги проскрипели,
Бросая грохот в большаки,
А на телегах песни пели
Об урожае мужики.
С рассветом ярче стали дали,
Ясней, румяней и алей.
Как овцы, копны посбежали
На гумна с скошенных полей.
Остались лишь от спешной возки
Колес шинованных следы.
А по краям токов громоздко,
Как башни, выросли скирды.
На гумнах запах пота, дегтя,—
Веселый гам, ребячий бег,
С задорным смехом, в ярких кофтах,
Сбирались бабы к молотьбе.
Старик, согнувшийся ветлою,
Спустив огузья от порток,
Шуршал березовой метлою,—
Старательно готовил ток.
Старуха сонно на погребец
За квасом шла, крестила рот.
Сосед соседу:
—„Ну и хлебец
У нас родился в этот год“!
Сосед в ответ:
—„Да-а, хлеба много,
Не как в запрошлые года“...
. . . . . .
И уходила с лиц тревога,
За нею, сгорбившись, нужда.

Алексей Медведев.

НОЧЬ В ЛЕСУ

Рис. В. Рассказ Кольчугина

Как скоро летит время.

Еще так отчетливо помнит Костя Липунков, как дядя Александр вез его на машине в город учиться, и вот их уже распустили на рождественские каникулы.

Время летит скоро. Особенно долгим днем показался Косте тюленний день перед рождеством. Утром он проснулся вместе с первым гудком. Помогая искать дяде шапку, Костя думал, что дядя скорей уйдет в завод, скорей вернется с работы и тем день укоротится. А после обеда приедет отец на развальных санях, укутает Костю в овчинный тулуп и они поедут в деревню.

Но день шел особенно долго. Костя успел десять раз пересмотреть книги, накупленные для маленьких ребятишек в деревню, и сотый раз забегал за калитку и смотрел за заставу, откуда должен приехать отец.

Встречные пешеходы и ехавшие на лошадях больше волновали Костю. Он вбегал в дом и чуть не плача говорил:

— Наверно не приедет отец, уж все прошли и проехали, а его все нет.

* * *

Но вот день прошел; Костя нетерпеливо толокся на дворе, наблюдая, как отец подвязывает на Гнедом чресседельник и повод, пощатываясь от выпивки.

— Ничего не забыл? — спросил отец сына.

— Нет, — ответил Костя, — и еще раз проверил: цел-ли в санях узелок с книгами.

— Ну, пойдем с дядей простимся.

Простились.

Через несколько минут они выехали с дядиного двора и Костя заметил, как голубой купол собора быстро отдалялся от них и бежавшие с обеих сторон телеграфные столбы также отдалялись и казались высоким частоколом.

На краю города отец, совсем неожиданно для Кости, остановил Гнедого и сказал:

— Посиди здесь, я сейчас забегу погреться на дорогу.

Костя не успел обдумать, почему отец скоро прозяб в таком теплом тулупе, как увидел, что отец уже выбежал из магазина на улицу и пил вино из опрокинутой бутылки.

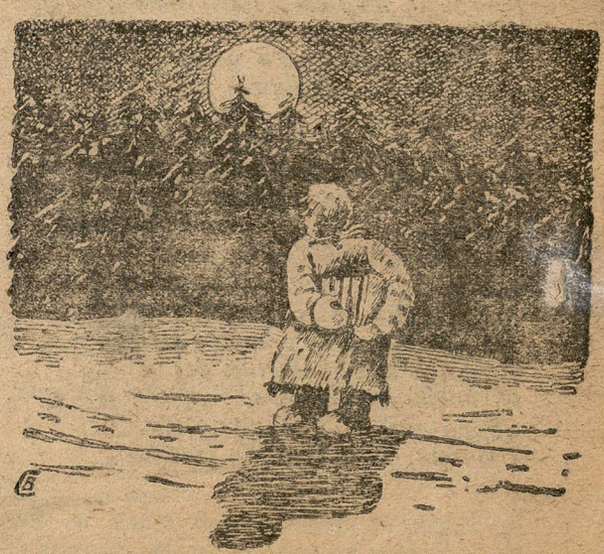
— Ну, поехали теперь, — сказал отец, ше вельнув возжами.

Лошадь снова загрусила и скоро, выбежав за город, показалась одинокой среди бескрайних снегов поля.

* * *

Мороз крепчал, но Костя, как будто, не чувствовал его. Плотно укрывшись тулупом, он согрел вокруг себя воздух дыханием и ему было тепло. Прислушивался к пьяным песням отца и скрипу полозьев. В его воображении рисовалась отцова изба с потемневшими иконами и старенькой божничкой с бумажными кружевами.

— Вот я оклею ее безбожником, — строил план Костя, держа в руке узелок с книгами. И вдруг рассмеялся. Он представил себе, что будто вошел поп и запел «Рождество твое, Христе боже»... и тут же сплюнул и покосился на спящего отца.

Э—э, соображал Костя, ведь это Дубровский овраг

146208 40219.

— Кирилл Иванович, а беды я от тебя этого не ожидал.

— Это я, — поспешил, будто Костя, — В городе я узнал, что религия и рождество — поповская выдумка...

Вдруг почувствовал Костя: сани куда-то стремительно полетели, дали толчек. Костя забарахтался в тулупе.

Когда он выбрался из тулупа — отца уж и след простил.

— А-а! Папа-а! — долго кликал Костя отца. Но никого не было.

Костя осмотрелся.

Высокое небо дрожало обильным звездным соком. Рядом чернела стена леса и тень от макушек деревьев далеко стлалась по голубому снегу. За стеной леса в макушках деревьев плыла луна.

— Э-э, сообразил Костя, — ведь это Дубровский овраг, тут до деда Матвея недалеко.

Он плотнее увернулся в тулуп, прижал подмышку узелок с книгами и направился целиком к лесной сторожке. Страху у Кости как не бывало. Разогревшись от неудобной ходьбы по глубокому снегу, он часто останавливался в лесной чаще и рассматривал деревья, которые изредка потрускивали от мороза и сыпали на снег мохом.

Потом Костя увидел дупло знакомого дуба и сразу вспомнил, как они здесь с дедом Матвеем вырубали диких пчел и его тогда больно покусали пчелы.

— Теперь-то я дома, — проговорил сам с собой Костя.—Шагов сто и сторожка.

Он не ошибся. Минут через пятнадцать за стволами показался огонек, а потом залаяла собака, услышав приближение человека. Костя шел на огонек.

— Что за человек?—услышал вдруг Костя.

— Это я, дедушка, Липунков из города.

— Костюша! зачем ты сюда? — удивился дед Матвей.

Костя так обрадовался деду, что запутался в тулупе и снова упал в сугроб.

Дед подхватил его и внес в избушку и только здесь Костя заплакал:

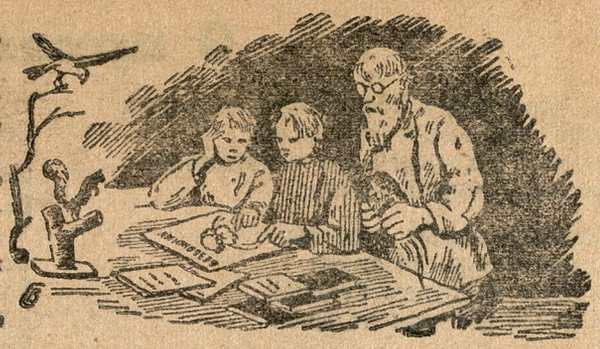
— С отцом мы ехали. Напился он пьяный и не заметил, как я вылетел на ухабе. Я было замерз.

— Не плачь, не плачь, — успокоил его дед. Лезь на печку к Тишке.

Но Костя вовсе не озяб, он просто расплакался, сам не зная почему: то-ли от радости, то-ли потому, что отстал от отца.

Десятилетний Тишка между этим успел соскочить с печки, пустился рассказывать товарищу о лесных новостях.

— Это что, видел? — восклицал он, показывая чучела набитых белок и куниц.—Дедушка скоро повезет продавать в город и к Рождеству купит мне новые валенки.

Дед бросил плести лапоть и себе уткнулся в безбожника

— Да ведь Рождество-то завтра, — проговорил Костя.

— Как завтра? — удивленно спросил Тишка.

— Так завтра. Вот у меня и отпуск на две недели и книжек о Рождестве я везу в деревню.

— Ты что-ж, ай в коммунисты записался? —спросил дед.

— Не коммунист, а пионер пока!—торжествующе заявил Костя и начал расстилать книжки по столу.

— У вас по новому Рождество-то?—снова спросил дед Костю.

— По новому. Факт, —ответил Костя.—Мы только не празднуем его, а отдыхаем. Вот мне задание дали. Доклад буду делать в деревне. Завтра надо на месте быть, базироваться буду на отцовском поступке.

— Что, что ты сказал-то?— — заинтересовался дед.

— Отца в пример приведу,—поправился Костя,—выведу его религиозным и пьяницей и докажу, что через таких отцов гибнет молодое поколение.

— Ах, ты сукин кот, — удивился дед.—Ты это на отца попер!

— А то как-же. Нас учат и мы должны учить темных людей. Ты вот пусти со мной Тишку в деревню завтра, — попросил Костя деда Матвея.

— Ну, что-ж—согласился дед,—берите по лыжам и поезжайте. Путь недалек.

Ребята торжествовали долго. Потом они уселись смотреть книжки.

— Дедушк, дедушк, посмотри-ка какой Иисус-то, отрывая Тишка деда от работы.

Дед бросил плести лапоть, поправил очки на лбу и себе уткнулся в безбожника...

...А над лесом шла звездная зимняя ночь и слышно было, как на дворе трещат от мороза бревна.

М. Кольчугин.

О приволье.

Там, где хутор в лиственных подушках
Утопая под шепот тростника,
Я дружил с хорошенькой хохлушкой,—
Сероглазой дочкой рыбака.

Вспоминаю милые картины:
На краю белеющей скалы
Я играл с задорною Галиной...
Там росла высокая полынь.

Но не знал я, что душа—не дома,
Что грядущее полно иным,
И когда нибудь столичный гомон
Мне придется называть родным.

И теперь, когда в заводском гуле
Вспоминаю я пастуший дом,
Мне жалеть приходится о том,
Что степные чувства не заснули.

Не забуду, молотом играя,
О мечтах задумчивой скалы,—
О прошедшем память золотая
Заковала сердце в кандалы.

Может быть,—разлукою распаян,—
Ослабеет многолетний плен...

. . . . . .

Всколыхнулось зарево окраин,
Затрубив аккордами сирен...

Ну... прощайте думы о приволье,—
Разлюбить бледнеющую быль
И забыть серебряный ковыль,
Видно, мне придется, хоть и больно.

Может быть,—забвением распаян,—
Ослабеет многолетний плен...

. . . . . .

Разгорелось зарево окраин,
Протрубив аккордами сирен...

Михаил Зайцев.

Дорожное.

Там над синью, синью дум речных
Снеговой туман навис.
Два ряда, угрюмых, сумрачных,
Занесенных снегом изб.
Деревенька машет ветлами
Чуть заметно издали,
А дорогу бури метлами,
Как нарочно замели.
Снег в лицо мне лепит пачками,
Льдинки тонкие звенят.
Снеговой, дорожной качкою
Убаюкало меня.
Ну, пускай, пускай баюкает—
Мне в дороге не заснуть,
Вьюга в след мне улюлюкает.
Заметает снегом путь.
Режут, колют беззаботные
Льдинки—острые ножи,
Знать, меня теперь охота им
В буйном вихре закружить.

А. МЕДВЕДЕВ.

Осенние песни.

Падал звонкий листопад
В темный полисадник,
Звал гармони бойкий лад
На осенний праздник.
Выходили в сарафанах
Девки на гулянку
И у розовых бурьянов
Пели под тальянку.
Четко, в лад, плясали девки,
Поводя плечами
И зазвонисто припевки
Под гармонь точали.
„Ты подружка моя Нюшка
„Пойдем—выйдем на лужок,
„Может нас с тобой запишут
„В комсомольский кружок!!!"
В этот вечер,—темный вечер,—
Был задумчив гармонист...

. . . . . .

Опустил дуб книзу плечи
И ронял на землю лист.

Падал в темный палисадник
Шумный, буйный листопад.
Отцветал багряный праздник
Под гармонный бойкий лад.

* * *

Под окошком моим голубым
Свою песню пропел листопад
Был весною мой сад молодым.
А теперь-же состарился сад.
Он стих он багряные косы
И под ветреный шелест и свист
Осыпает, как майские росы,
Остуженный погодою лист.
Что прошло, то теперь вспоминаю.
Догорает багряный закат...

. . . . . .

Улыбался когда то я в мае—
Улыбаюсь теперь в листопад.

Александр Лесной.

День был серебряный, а вечер голубой
И ночь пришла, сияя звездным светом,
И вот опять, опять я сам не свой,
Завидую я вам, поэты.
Стеклится путь в мерцанье звезд немом,
Блестят снега алмазно-синей пылью
И манит даль не сказкою и сном,
А деревенской красной былью.
Тут петь бы... петь... Но нищий мой язык
И не найду я нужных слов для песен—
И думаю, под тихий сонный скрип:
Да те слова, на самом деле, есть ли?
И вот пригорок, ветлы и плетень.
Узоры звезд. В е близко и знакомо.
А на сугробе золотой кипень
Из окон нового Нардома.

С. ДМИТРИЕВ.

Рассвет над синим снегом брыжжит.
Тускнеют, гаснут огоньки;
Заря — румяный конькобежец —
Летит в излучине реки.
Гудок...
Пора и за ворота!
Любимая
прильнет к окну...
... Так тихо здесь...
Но вот мильонный рокот
Дробит, кромсает тишину.
Махну окну
рукою;
Махну —
уйду с толпою.

И в. К — н.

Редактор: Редакционная коллегия

Гублит № 336